

## ВЕЧНОСТЬ

Раньше такие деревни, как наша, называли неперспективными: стоит она не так далеко от Оки между двумя небольшими приокскими городками. Клуба в ней нет, нет и магазина. Центральная и единственная улица - одни ухабы поросшие травой. Всего-то и осталось несколько домов от некогда большой деревни и те разбросаны как хутора. Что здесь делать? Вот молодежь и разъехалась в поселки да ближайшие города. Остались одни старики. Пожили. Похозяйствовали в меру сил. Скотина извелась, птицы стало убавляться. У детей в городе своих хлопот много, а где уж старикам хозяйство держать. И пошло все наперекосяк. Стали уезжать к детям на зиму, внуков нянчить.

Трава стоит ныне на долинах в пояс. Некошенная. Тишина от леса и полей настолько глубокая, что слышно жужжание мухи, запутавшейся в паутине. Полуденный зной еще больше сковывает тишину и покой. Даже грозы редко бушуют над деревней. Словно какая-то неведомая сила не пускает их сюда, тянет к Оке. Трава к июлю желтеет, становится жесткой и неприветливой. Коса по ней только свистит, но не косит.

Сколько их, таких деревень-матушек, давших жизнь многому, поднявших тяжелый, неуступчивый суглинок, вытащивших в тяжелые годы на своих плечах и пахоту, и косьбу, и еще Бог знает какой тяжести, а порой и горя.

И вот, кажется, жизнь замерла в них, прошло их время. Но это только для непосвященного. Они живы по-своему. Чуть-чуть вдали, невидимая стороннему глазу, продолжается в них жизнь. Август 1983 года стоял на редкость жаркий, солнце палило как никогда. Ждали дождя. Не только дождь, но и легкое дуновение ветерка было радостью.

Елизавета Петровна закончила дела и отходила ко сну. Ночь предстояла долгая, не спалось. Оставаясь одна, она часто, как все пожилые люди, вспоминала прожитое. К чему бы? Вроде не одинока. Дети постоянно приезжают, все здесь. Да и жизнь не хуже, чем была. Но что-то тянет душу, что-то мешает.

- Не вышли мои хорошие в люди. Мыкаются абы как, - вздохнула Елизавета. - В деревне-то только и остался один Иван и тот, горемыка, мается. Ходит черный, как цыган, целыми днями то на тракторе, то под ним, все чего-то прилаживает да прикручивает. Масло да солярка въелись в кожу, уже не отмываются. Семен сбежал в город на шабашку волю искать и Мишку увел за собой. Непутевые. И девок жаль. Татьяна уж не молодая, а все за счастьем гоняется по России - ни кола, ни двора, ни мужа, ни семьи. Тоже непутевая.

С трудом Елизавета растила детей. Сама полуграмотная, но в простоте ее "педагогики", да и всей жизни, было что-то сильное от природы. Душа матери была не пшеничным хлебом, а ржаным, но в самое трудное время о булках и не думали - рады были черному.

Солнце уже село, и Елизавета начинала дремать. Всех вспомнила, всех пожалела и погоревала.

- Конечно, охота што-ль в грязи-то с утра до ночи ковыряться. В городе-то жисть, культура. Э... Эх, Господи! А здесь, корячясь целый день, хотя проку никакого. Вот они самогонку и жрут с утра до ночи. Понятно, чего уж тут поделаешь?

Горько стало старой женщине, что-то вдруг нахлынуло... Вспомнилась длинная, "по столбам" дорога в город с молоком. После войны надо было детей кормить. Одна ведь. Петр Петрович, светлой памяти, погиб на войне.

Назад из города уже затемно, голодная, ватными ногами ступала Елизавета по ступенькам дома, где ее ждали домашние хлопоты до тех пор, пока ноги не начинали подкашиваться, да глаза уже не видели света белого.

Таких, как Елизавета, в деревне было много. А где их было мало? Утром собирались женщины артелью, как они говорили, и отправлялись в город. Туда - с молоком, вечером - назад с хлебом да с сахаром, да с макаронами. Хорошо, если еще на бутылку постного масла хватало. На горсть конфет-карамелек детям выкраивали всегда. Ну, а себе - по глотку самогонки для бодрости и карман семечек, чтобы по дороге не заснуть от усталости. Так и шлепали с сумками через плечо на перевес наши горемыки в жару и в холод, туда и обратно.

- «Спасибо» Никите Сергеевичу, освободил от заботы, отобрал коров. Теперь никуда ходить не надо, сиди себе на скамеечке и семечки лузгай. Чтобы его пронесло с нашего мяса, - злословили товарки по несчастью, когда Хрущ, так его тогда звали не в газетах, а в деревнях и весях, начал свои эксперименты.

- За что, Господи, кара мне твоя небесная? - засыпая, мысленно сказала Елизавета.

В этот момент в комнату не весть откуда ворвался ослепительно яркий свет. Он возник не как лунный луч, который постепенно протискивается сквозь шторы и заполняет холодной синевой избу, и не как свет включенной лампочки - желтый и подслеповатый. Он появился вдруг, сам по себе - теплый и радостный, мгновенно заполнив все, пространство и растворив в себе окружающие предметы, которые в нем находились. Елизавета с удивлением увидела себя как бы со стороны, но увидела себя еще молодой в белом пышном платье. Вокруг нее вились, весело хлопая крыльями, голуби, от них отлетал белый пух, кружился в воздухе и ложился ей покрывалом на голову и плечи. Голуби вроде подталкивали и вели ее куда-то, и она не сопротивлялась, следовала за ними, становилось легко и радостно. Все существо Елизаветы переполнили энергия и ощущение чего-то нового, какой-то безмерности пространства. Она улыбнулась, поняв, что умерла.

\* \* \*

К полудню у дома Елизаветы собрались почти все деревенские старики. Расселись группами вдоль изгороди и под ветлами. Уже поплакали на покойницу, ждали выноса. Дети и внуки приехали раньше.

- Успеем ли похоронить? Покойница-то третий день в избе, а на дворе жара. Довезти бы до кладбища.

Старушки вспоминали былое, в который раз как бы проверяя часы, выясняли, кто старше, кто моложе и на сколько. Вспоминали и свои походы в город с молоком, и работу в колхозе, и кто сколько трудодней-палочек зарабатывал, кто из ребят за кем ухаживал. У ребят, а теперь стариков, глаза уже просохли, но краснота вокруг них говорила о значимости переживаемого события. Мужики и молодежь курили уж по которой. Время от времени плескали в стакан мутную и, как водится, вонючую самогонку. Старикам и молодежи - поменьше, мужикам - побольше. Не то, чтобы поминали, и не то, чтобы очень хотелось выпить, но как-то так повелось, как-то так вроде бы и легче. Дочери хлопотали с последними приготовлениями.

- Выносят...

У сухого, обветренного и омытого дождем десятилетий заборчика с кривой калиткой столпились все присутствовавшие. Ударил приехавший из города плохонький духовой оркестр. Гроб с покойницей поставили на перевернутые табуретки. Приступил к своим делам фотограф.

\* \* \*

На фотографии в избе молодая красивая женщина. Даже ретушь не сгладила крупных и правильных окских черт ее лица. Прошли годы, и красавица Елизавета стала для всех, даже детей, просто бабкой Лизой.

Ее муж погиб на войне. Те немногие, кому удалось вернуться с войны в деревню, рассказывали о Петре Петровиче как о человеке достойном. Хотя чего было рассказывать? Начали воевать вместе, всех, деревенских определили в одну часть хотя война со временем разметала всех в разные стороны, разорвала одну компанию на куски, на части.

О чем думали генералы, мужикам до этого дела не было, а будучи солдатами, команды и приказы старались выполнять. Под Смоленском только и слышали: «стоять на смерть», «не отступать». Геройского в смерти Петра Петровича его друзья ничего не видели, но по службе отмечали, что воевал он как положено. Это уже потом, после войны, писатели напишут о них как о героях. А в тот день, как всегда, командир орет: «Не отступать, биться до последнего патрона». Петр Петрович и не отступил, и стрелял из своего окопчика, можно сказать, до последнего патрона, пока немецким снарядам его в этом окопчике не накрыло. Он, наверное, и не успел понять, что произошло, потому что никто не следил, куда эти снаряды летят. Знали свое: впереди немцы, стреляй в них и стреляй, отступать ведь не велено.

Осталась Елизавета Петровна с семерыми на руках. А после войны новое горе - младший попал под машину. Хотел на ходу выпрыгнуть из кузова, да зацепился за какую-то проволоку и утянуло его под колеса. Похоронили, горемыку, на деревенском кладбище, на бугорке под березой. С него начался счет почти просохшим по мужу горячим слезам Лизаветы.

- На кого ж ты меня оставил, родненький ты мой, Петр Петрович? Не уберегла я без тебя Сашеньку, - причитала Елизавета.

- Ладно тебе, ма, реветь-то, - успокаивали старшие, - чего ж теперь делать, сам виноват. Говорили ему, чтобы угомонился, верченый. Так нет. Одно слово - верченый. Плачь не плачь.

А сами тайком утирали слезы по своему младшему, а значит, любимому братцу.

Сказать легко: «Не реви», но мать-то знала, что она за всех в ответе. Поэтому к старости и сон стал плохим, и что-то внутри мешало, тянуло к низу. Елизавета Петровна прожила долгую и трудную жизнь. Померла, не дожив нескольких дней до восьмидесяти, которых ждала, готовилась позвать детей и всю родню. Чувствовала, что недолго ей осталось. Ох, если бы не этот жаркий август, да не постоянная суета, да не слабость, которая донимала последнее время.

\* \* \*

Закопали. Подбили холмик лопатами. Женщины всплакнули еще разок, все вместе выпили самогоночки, и печальная вереница медленно растянулась по светлому березничку к дороге.

Вся атмосфера была переполнена полуденным зноем. В лесу, под кронами деревьев, он воспринимался легче, чем на открытом пространстве, но никто этого не ощущал. Все пребывали в горестном оцепенении, не верилось, что Ее больше не будет. Все привыкли, что Она всегда есть - утром, когда вставали, Она уже выглядывала из-за кухонной занавески, днем всегда хлопотала у стола, готовя обед, когда все уже легли спать, слышали рядом ее осторожные шаги, когда кому-то было плохо или хорошо, шли к Ней, и Она всегда оказывалась рядом. И вот все это кончилось, все чувствовали - порядок вещей изменился, но что и как будет дальше, никто не ведал.

Только поднялись на асфальт, как возле нас по-кавалерийски лихо затормозил жигуленок, обдав процессию пылью. Во рту и так скопилась горечь, а здесь - пыль. Мужики обложили лихого наездника таким же крепким и мутным матом, как и выпитое ими пойло. В машине сидела компания молодежи, из салона слышалась блатная музыка.

- Здорово, мужики, - звонко крикнул здоровенный недоросль, упакованный в джинсы и что-то еще позаграничному яркое, - в деревне есть пустые хаты?
- Чего тебе? - недовольно промямлил кто-то из наших.
- Мечтаю реанимироваться на лоно природы после ужасов московского бытия. Кого хороним? Дедульку? Бабульку? Может, сторгуемся по освободившейся площади?
- Я те сторгуюсь, — пьяно налетел на верзилу Колька, — такую лону природы устрою, что...
- Мужик, не нервничай, - весело, парировал верзила, привычно втискиваясь в машину. В бодром предвкушении будущей удачи молодежь помчалась дальше, а мы в сдержанной торжественности не спеша вернулись домой.

\* \* \*

Сумерки сгущались, поминки закончились. Все готовились ко сну, устав от зноя и памяти прошлого, воскрешенного похоронами Елизаветы.

Деревня жила тихой жизнью и привыкла, что утром встает солнце, а вечером оно садится, и жизнь казалась неизменной. Так и Елизавета прожила свою жизнь, как один день. Как жила, так и прожила. Был дом, дети, все вокруг нее ютились, радовались, печалились, ругались, мирились, рожали и растили детей. Все казалось само собой разумеющимся, вечным и неизменным. Плохо ли, хорошо ли, но жизнь шла своим чередом, и это было главным, определяющим.

\* \* \*

Засыпалось тяжело, хотя день был тяжелым, устали. Спать легли, как водится, вповалку, кто на кровати, кто на полу. Постепенно сон охватил всех своим маревом. Вдруг легко скрипнули половицы, и в лунном свете мелькнула тень. Марев сняло, как рукой...

-Ма!... Господи, неужели привиделось во сне?

Скрипнула дверь. Наступил миг, когда каждый в избе подумал об одном и не знал; встать и посмотреть или продолжать лежать. Но миг прошел, все вскочили и кинулись к двери. Она была плотно закрыта.

- Включите свет!

Кто-то включил. Действительно, дверь была закрыта на крючок.

Дух Елизаветы Петровны покинул дом. Она уже принадлежала не только детям, а стала вечностью. Прожитый день кончился, как и должен был кончиться, а предстоящий был еще Будущим, и каким он будет, никому не дано было знать.